

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

UDC 341.218.4
LBC 66.023

Submitted: 11.09.2022
Accepted: 13.04.2023

TO THE EVALUATION OF TRAJECTORIES OF TRANSFORMATIONS OF POST-SOVIET POLITICAL SYSTEMS¹

Andrei V. Abramov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Roman A. Alekseev

State University of Education, Mytyshi, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the formation and development of political systems in the former eleven republics of the USSR from the standpoint of the institutional transformations taking place there. The struggle for power between various elite groups and citizens' identities and the dynamics of citizens' identities were also the basis for comparison. The authors consider the parameters mentioned to make the comparison and typology of the modern post-Soviet states' development more effective. *Methods and Materials.* The neoinstitutional, sociological, and political-cultural approaches were used in the research, as were the comparative-historical and comparative-typological methods, which made it possible to scrutinize the available facts and draw respective conclusions. *Analysis.* It was stated that starting in the 1980s, the transformation of the typical Soviet republics took place in two directions. The first included the formation of the electoral autocracies, institutional design, and social and cultural image, which were determined by the "nucleus" – the president-leader. Such political dynamics turned out to be characteristic of Turkmenistan, Tajikistan, Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, and Belarus. The formation of the "front-end democracies" was the second direction. These democracies are characterized by institutional, social, and identity fragmentation hiding behind the glass cases of democratic structures and practices borrowed from the West. Kirghizia, Georgia, Armenia, Ukraine, and Moldavia have moved in this direction. *Results.* The authors' conclusion is that both the first and second directions do not ensure the stable development of new independent states in the foreseeable future. *Authors' contribution.* A. V. Abramov formulated the concept of the article, developed the comparison parameters, and studied the post-Soviet elites' and citizens' struggle for power and their identity evolution. R. A. Alekseev analyzed the transformation of the political institutions in the post-Soviet political systems in the context of their constitutional reforms.

Key words: post-Soviet space, republics of the former USSR, post-Soviet political systems, political transformation, trajectories of political development, identity.

Citation. Abramov A. V., Alekseev R. A. To the Evaluation of Trajectories of Transformations of Post-Soviet Political Systems. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 54-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

УДК 341.218.4
ББК 66.023

Дата поступления статьи: 11.09.2022
Дата принятия статьи: 13.04.2023

К ОЦЕНКЕ ТРАЕКТОРИЙ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Андрей Вячеславович Абрамов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва. Российская Федерация

Роман Андреевич Алексеев

Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрено становление и развитие политических систем одиннадцати бывших республик СССР с точки зрения происходивших в них институциональных преобразований, борьбы за власть между различными элитными группировками и динамики идентичности граждан. По мнению авторов, выделенные параметры позволяют наиболее эффективно произвести сравнение и типологизацию развития современных постсоветских политий. *Методы и материалы.* При проведении исследования использовались неинституциональный, социологический и политико-культурологический подходы, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие проанализировать имеющиеся факты и сделать соответствующие выводы. *Анализ.* В ходе исследования было установлено, что, начиная с середины 1980-х гг., трансформация типичных советских республик происходила в двух направлениях. Первым направлением стало формирование электоральных автократий, институциональный дизайн, социальный и культурный облик которых был определен «ядром» – президентом-лидером. Такая политическая динамика оказалась присуща Туркменистану, Таджикистану, Казахстану, Узбекистану, Азербайджану и Беларуси. Вторым направлением развития стало складывание фасадных демократий, характеризующихся институциональной, социальной и идентификационной фрагментацией, скрывающейся за витринами заимствованных на западе демократических структур и практик. Этот путь проделали Киргизия, Грузия, Армения, Украина и Молдавия. *Результаты.* По заключению авторов, как первый, так и второй типы политических систем не обеспечивают стабильного развития новых независимых государств в обозримом будущем. *Вклад авторов.* А.В. Абрамовым была сформулирована концепция статьи, разработаны параметры сравнения, проведено исследование борьбы за власть и эволюции идентичности постсоветских элит и граждан. Р.А. Алексеев проанализировал трансформацию политических институтов постсоветских политических систем в свете происходящих в них конституционных преобразований.

Ключевые слова: постсоветское пространство, республики бывшего СССР, постсоветские политические системы, политическая трансформация, траектории политического развития, идентичность.

Цитирование. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 54–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>

Введение. Экономическое и геополитическое развитие современного мира определили события конца XX в., приведшие к «крупнейшей геополитической катастрофе XX века» – распаду СССР. Оставив в стороне вопрос об объективных и субъективных причинах крушения супердержавы, обратим свое внимание на дальнейшее политическое развитие бывших республик Советского Союза, именуемых в научной литературе «странами постсоветского пространства».

Сравнительный анализ траекторий эволюции новых независимых государств важен по ряду обстоятельств. Во-первых, исследование вариантов трансформаций экономических, социокультурно и политически близких нам систем позволяет строить прогнозные сценарии в отношении развития России. Во-вторых, постсоветские страны являются ближайшими соседями Российской Федерации, и мониторинг их политического «благополучия» весьма важен с точки зрения обеспечения национальных интере-

сов и национальной безопасности нашего государства.

Таким образом, цель настоящей статьи – оценка путей и типологизация промежуточных результатов трансформаций постсоветских политических систем – является актуальной и научно значимой.

Методы и материалы. Длительное время теоретико-методологической базой исследований политических процессов, происходивших на постсоветском пространстве, была концепция демократического транзита. Однако к середине 2000-х гг. ограниченность ее возможностей стала очевидна. В работах последних лет авторы не скрывают своего разочарования однолинейной схемой движения от авторитаризма к демократии [1; 10; 17]. Как представляется, сам дедуктивный характер транзитологии, задающий границы исследования и заставляющий ученого искать факты, укладывающиеся в «прокрустово ложе» концепции, представляется малоприспособленным для сравнительного анализа постсоветских ре-

лий. Наиболее эффективным, с нашей точки зрения, является движение от конкретных фактов к их обобщению и типологизации.

В соответствии с логикой проведения сравнительных исследований на первом этапе работы были отобраны изучаемые случаи. В качестве таковых взяты политические системы всех новых независимых государств, кроме России и стран Балтии, имеющих значительную специфику развития [7].

Сравнение отобранных политий было произведено по трем параметрам: 1) конституционные реформы и изменения институциональной инфраструктуры; 2) процессы размежевания постсоветского общества, приведшие к возникновению элитных группировок, вступивших в острую борьбу за власть; 3) динамика политической идентичности граждан бывших республик СССР, что позволило произвести качественную оценку политической трансформации.

Научный инструментарий исследования составили неоинституциональный (в историческом и структурном вариантах), социологический и политико-культурологический подходы, а также методы компаративистики, прежде всего сравнительно-исторический и сравнительно-типологический.

Отобранные параметры и методы исследования предопределили выбор источников и научной литературы. Авторами были проанализированы конституции одиннадцати бывших республик СССР [15], а также изучены политические события в каждой конкретной стране, начиная с 1980-х гг. по настоящее время. В своей работе авторы опирались на разработки современных исследователей постсоветского пространства: Т.Я. Хабриевой и Л.В. Андриченко [30], А.Н. Медушевского [18], Х.А. Гаджиева [8], Н.А. Борисова [5], В.Я. Гельмана [9], В.П. Мохова [21], В. Дolidze [11], Р. С. Бобохонова [4], В.Г. Егорова и Д.А. Рекка [12] и др. Значимые разработки в области анализа процессов изменения политической культуры и формирования идентичности граждан бывших республик СССР были сделаны современными исследователями В.В. Лапкиным [16], В.М. Капицыным [14], А.И. Миллером [20], О.В. Васильевой [6] и др.

Анализ. К началу перестройки союзные республики представляли собой типичные

советские системы, характерными чертами которых являлись партийно-советский институциональный дизайн, монополия партийной элиты на власть и двухуровневая (советская общегражданская и республиканско-национальная культурная) [3, с. 51] идентичность жителей. Реформы М.С. Горбачева серьезным образом изменили сложившееся положение дел. Изъятие у партийного аппарата управленческих функций и передача их Советам заставили срочно формировать новую вертикаль власти на союзном и республиканском уровнях: вводить институты президентства.

Падение авторитета коммунистической партии и разрушение централизованной плановой экономики способствовали дезинтеграции союзного государства [24, с. 132]. Разочарование в СССР запустило механизм эрозии общегражданской советской идентичности. Разрушение надэтнического уровня идентичности сделало советскую двухуровневую структуру одноуровневой: клановой или этнической. Главными выразителями такой идентичности выступили Народные фронты. В условиях ухудшения социально-экономической обстановки Фронты стали оппозицией, политической программой которой был этнонационализм [16; 20; 27]. Номенклатура и оппозиция выступили двумя главными действующими лицами разыгравшейся в конце XX в. политической драмы. Исход их борьбы задал дальнейшую траекторию развития и в значительной степени предопределил сам облик постсоветских политических систем.

Различного рода обстоятельства определили один из четырех сценариев протекания межэлитной борьбы. Первый сценарий осуществился в Узбекистане, Казахстане и Туркмении, где слабость оппозиции способствовала беспрепятственному *пересаживанию глав компартий союзных республик из партийных кресел в президентские*. В 1990 г. в Узбекской, Казахской и Туркменской ССР президентами были избраны 1-е секретари ЦК республик И.А. Каримова, Н.А. Назарбаева и С.А. Ниязов [13; 26].

Второй сценарий, предполагающий победу *партийной элиты, одержанную в конкурентной борьбе*, был реализован в Молдавии и на Украине. Здесь противниками номенклатуры выступили влиятельные национа-

листические силы. В сентябре 1990 г. на заседании Верховного Совета Молдавской ССР председатель парламента (до этого секретарь ЦК КП МССР) М.И. Снегур был избран президентом. Его главные оппоненты, сторонники Народного фронта Молдовы, на многотысячных митингах требовали выхода из СССР и воссоединения («унии») с Румынией. Невзирая на свой проигрыш на выборах, националисты сумели навязать руководству свою повестку дня, спровоцировав гагаузский и приднестровский кризисы [2; 19]. На прошедших в декабре 1991 г. всенародных выборах президента Украины победу одержал председатель Верховного Совета УССР (ранее 2-й секретарь ЦК КПУ) Л.М. Кравчук. Главными его конкурентами, получившими почти треть голосов избирателей, стали диссиденты-националисты: основатель народного фронта (Руха) Украины В.М. Черновол и депутат Л.Г. Лукьяненко. Несмотря на победу на выборах, президенты Молдавии и Украины вынуждены были действовать с постоянной оглядкой на националистов, легко мобилизовавших своих сторонников для уличной активности.

Третий сценарий заключался в *приходе к власти кандидатов, не связанных с прежним партийным руководством*. Межнациональные столкновения между киргизами и узбеками на юге республики в 1990 г. (Ошские события) обострили клановую борьбу в руководстве Киргизской ССР, где пост президента оспаривали 1-й секретарь ЦК компартии А.М. Масалиев и глава республиканского Совета Министров А.Д. Джумагулов. Поскольку ни тот, ни другой не смогли набрать достаточного для победы числа голосов депутатов Верховного Совета, Москва рекомендовала на должность президента республики главу Академии наук Киргизии А.А. Акаева, который до поры до времени устроил местные кланы [29]. Фактором, определившим транзит власти в Армении, стал армяно-азербайджанский конфликт, на волне которого председателем Верховного Совета, а затем президентом Армянской ССР был избран лидер Армянского общенационального движения, филолог Л.А. Тер-Петросян. На состоявшихся в 1994 г. всенародных выборах главы Беларуси конкуренцию Председателю Верховного Совета С.С. Шушкевичу и главе прави-

тельства В.Ф. Кебичу (ранее заведующему отделом ЦК КПБ) составил независимый кандидат А.Г. Лукашенко, который «сумел аккумулировать “протестного избирателя” и ностальгию по советскому прошлому», что и позволило ему стать победителем [25].

Наиболее драматичным оказался четвертый сценарий развития событий, в соответствии с которым *конфликт между представителями партийной номенклатуры и националистической оппозицией вылился в гражданскую войну*. Фактором, предопределившим становление политической системы Грузии, стали трагические события 1989 г. в Тбилиси. Гибель людей в ходе разгона советской армией многотысячного митинга националистов делегитимировало ориентированное на Москву республиканское руководство. Победу на парламентских выборах одержало грузинское Национальное движение, лидер которого – диссидент З.К. Гамсахурдия – в 1991 г. был избран президентом республики. Но проводимая националистическим руководством политика по дискриминации национальных меньшинств породила межэтнические конфликты и обострила борьбу за власть в стране. В Грузии развернулись боевые действия, Гамсахурдия бежал из страны. Власть перешла к Государственному Совету во главе с бывшим партийным и советским деятелем Э.А. Шеварднадзе, который в 1995 г. был избран новым президентом [9]. Эволюцию политической системы Азербайджана предопределили армянские погромы и война в Карабахе. В мае 1990 г. на президентских выборах победил 1-й секретарь ЦК компартии А.Н. Муталибов, уже через два года утративший власть. Вторым президентом стал глава Народного фронта диссидент А.Г. Эльчибей, также не сумевший стабилизировать ситуацию. В июне 1993 г. в Гяндже вспыхнул мятеж полковника С.Д. Гусейнова, которого поддержал Г.А. Алиев, в брежневское время занимавший пост 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана. Эльчибей покинул Баку, и в октябре Алиев стал третьим президентом [23; 28]. Наиболее острым оказался конфликт в Таджикистане, где каждая из сторон опиралась на сложившиеся в стране кланы. На президентских выборах 1991 г. победил занимавший до перестройки пост 1-го секретаря ЦК

Р.Н. Набиев, которого поддержали Ленинабадская и Кулябская области. Кандидат от оппозиции получил поддержку в высокогорных районах страны. Вскоре в Таджикистане началось вооруженное противостояние. В 1992 г. под диктовку оппозиции Набиев написал заявление об отставке, однако боевые действия между исламистами и сторонниками светского государства (Народным фронтом Таджикистана) продолжились. В конце 1992 г. сторонники светского государства отвоевали у оппозиции Душанбе, где в ноябре 1994 г. огласили результаты новых президентских выборов, на которых победил представитель Народного фронта кулябец Э.Ш. Рахмонов. Объединенная таджикская оппозиция бойкотировала голосование, но вступила с Народным фронтом в переговоры, завершившиеся 27 июня 1997 г. подписанием мирного соглашения и распределением государственно-административных должностей [4].

Пребывание у власти националистов оказало дестабилизирующее влияние на становление новых независимых стран. Не имея опыта государственного управления, проводя дискриминационную политику, радикалы породили хаос и закономерно утратили власть, уступив ее более опытным и искушенным представителям советской партийно-государственной номенклатуры, которые к тому времени «превратились в самостоятельные политические силы, опирающиеся в своей деятельности на свою собственную государственность, титульный народ, этнические интересы» [21, с. 147].

Политические системы новых независимых государств формально-юридически походили друг на друга. В принятых к началу 1990-х гг. конституциях всех постсоветских стран декларировались западные стандарты и институты демократии: свободные выборы, многопартийность, разделение властей, ограничение полномочий главы государства и т. п. Однако на практике постсоветские политики оказались тяготеющими к одному из двух типов: электоральной автократии или фасадной демократии².

Электоральную автократию характеризует концентрация власти в руках одного лица (президента-лидера) при формальном существовании института выборов, многопар-

тийности, парламента и т. п. Конституции Туркменистана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и Беларуси наделяют глав государств обширными полномочиями. Президенты участвуют в законодательном процессе, формируют и отправляют в отставку правительства, имеют право распускать парламенты и т. п. В большинстве вышеназванных политий действуют так называемые «партии власти», проводящие в парламентах президентский курс [5; 8]. Усилить позиции лидера призвано и конструирование надэтнической идентичности в виде концепта сплочения граждан вокруг «лидера нации» [6; 22]. Такая идентичность отвергает саму идею оппонирования власти. Выступающий против национального лидера становится не только его врагом, но противником национального мира и единства страны в целом.

Одной из формальных проблем, с которой сталкивается электоральная автократия становится лимитирование в конституции права главы государства на пребывание у власти [18; 30]. Выходом из затруднительной ситуации оказывается пролонгация сроков правления путем проведения референдумов, внесение поправок в Основной закон или посредством принятия новых конституций³. Проводимые конституционные реформы позволяют лидерам вновь и вновь участвовать в избирательных кампаниях.

Выглядящие мощными и несокрушимыми электоральные автократии оказываются весьма уязвимы в силу слабой институционализации и зависимости от личных качеств, жизни и здоровья правителя. Старение или внезапная смерть главы государства подвергают систему опасности. Таким образом, особую роль в электоральных автократиях приобретает вопрос транзита власти. Наиболее архаичным его вариантом является практика наследования, реализованная на сегодняшний момент в Азербайджане (2003 г.) и Туркмении (2022 г.). Несмотря на проведенные выборы, очевидно, что в данных странах мы имеем дело с зарождением правящих династий. В Таджикистане и Беларуси смены лидеров пока не произошло, но вопрос о наследовании высшего поста сыновьями действующих президентов активно обсуждается⁴. В Туркменистане (2006 г.) и Узбекистане

(2016 г.) транзит высшей государственной власти произошел в результате внутриэлитной борьбы, разгоревшейся после смерти их лидеров, С.А. Ниязова и И.А. Каримова. Победители в битве за власть, Г.М. Бердымухамедов и Ш.М. Мерзиёев, в соответствии с принципами электоральной автократии также впоследствии легитимизировали свою власть в ходе всенародных выборов. Единственный пример добровольного ухода в отставку президента-лидера с передачей власти «преемнику», не являющемуся родственником, продемонстрировал на сегодняшний момент только Казахстан (2019 г.).

Другим направлением развития новых независимых государств является их движение к *фасадной демократии* – политической системе, в которой институты западной демократии (разделение властей, парламентаризм, многопартийность, выборы) являются лишь фасадом, прикрывающим социум, раздираемый многочисленными социально-экономическими, межэтническими или межклановыми конфликтами.

В ходе массовых уличных акций (так называемых «цветных революций») склонные к авторитаризму руководители вынуждены были покинуть свои посты, уступив место лидерам протеста. В Грузии это случилось в 2003 г., на Украине – в 2004 и 2013–2014 гг., в Киргизии – в 2005 и 2010 гг., в Армении – в 2018 году. Протесты в Кишиневе (2009 г.) нанесли удар по партии коммунистов и власти президента Молдавии В. Воронина. Дополнительным фактором нестабильности постсоветских политий стало появление в 1990-е гг. нового политического актора в лице финансово-промышленного олигархата. Отсутствие сильной центральной власти способствовало относительной свободе действий олигархов в странах фасадной демократии. Финансирование конкурирующими олигархами политиков и партий придали их соперничеству еще большую остроту и непримиримость. Перманентные социальные конфликты, приобретающие вид межпартийной конкуренции, правительственных кризисов, парламентской борьбы, выборных кампаний и т. п., не способствовали стабилизации социально-экономического положения в этих странах. Отсутствие консенсуса по ключевым вопросам политическо-

го и экономического развития стран предопределили постоянные «метания» политических курсов постсоветских государств от ориентации на экономическое сближение с Россией до стремления к евроинтеграции.

Другим проявлением раскола элит и общества стала «война идентичностей» – непримиримая борьба социальных групп, причисляющих себя к разным этносам, религиозным общностям, сторонникам интеграции с Западом или Россией [6; 12; 13; 16; 20].

Дополнительным фактором нестабильности фасадных демократий являются постоянные институциональные преобразования [5; 8; 30]. Так, объявленная Конституцией 1994 г. парламентской республикой Молдова в ходе конституционных реформ 2000 и 2016 гг. трансформировалась в парламентско-президентскую систему. Армения объявлялась то президентской республикой (1995 г.), то смешанной (2005 г.), то парламентской (2015 г.). В результате «майданов» и конституционных преобразований неоднократно менялся облик политической системы Украины. Она склонялась то к президентской, то к смешанной форме правления. Эволюцию от президентской республики к парламентской, а затем вновь к президентской демонстрирует Киргизия.

Частые конституционные преобразования в странах фасадной демократии свидетельствуют о нестабильности их политических систем. В условиях отсутствия общественного и политического консенсуса институты высшей государственной власти (президент, парламент и правительство) превращаются в структуры, ведущие бесконечную борьбу друг с другом. Правительственные и парламентские кризисы, приводящие к очередным выборам, на которых с калейдоскопической скоростью происходит смена лидеров и политических партий, лишь усугубляют общую нестабильность, дискредитируя в глазах населения постсоветских стран саму возможность конструктивным образом разрешить имеющиеся проблемы.

Результаты. Проведенный анализ траекторий развития политических систем новых независимых государств позволяет выделить этапы их трансформации. На первом происходит складывание политических систем, сочетающих в себе советские и западно-либе-

ральные институты. При этом республиканские партийные руководители довольно быстро адаптируются к меняющимся условиям, успешно «пересаживаясь» из партийных кресел в государственные. Кризис советской политической системы запускает механизм эрозии общегражданской (советской) идентичности и превращению двухуровневой идентичности в одноуровневую – преимущественно этнонациональную или клановую.

Содержанием второго этапа становится борьба между представителями партийно-государственной номенклатуры и оппозиционерами-националистами. Сила и влиятельность оппозиции предопределяет один из четырех вариантов развития событий в постсоветских республиках: 1) отсутствие политической борьбы и сохранение у власти номенклатуры (Узбекистан, Казахстан и Туркмения); 2) победа представителей прежней партийной элиты в борьбе над националистами (Молдавия и Украина); 3) избрание президентами «новых людей» (Беларусь, Киргизия, Армения); 4) острая межэлитная борьба, завершившаяся скоротечной или длительной гражданской войной (Азербайджан, Грузия, Таджикистан). Интенсивность и результат борьбы за власть определяет глубину социального размежевания, сопровождаемого конфликтом идентичностей (клановых, этнических и др.).

Второй этап предопределяет тяготение политических систем новых независимых государств к одному из двух типов. Страны Центральной Азии (за исключением Киргизии), Азербайджан и Беларусь могут быть названы электоральными автократиями, для которых характерна концентрация власти в руках президента в сочетании с формально существующими демократическими институтами и практиками западного образца. В некоторых системах предпринимаются попытки восстановить двухуровневую идентичность, создав общегражданскую идентичность вокруг личности правителя.

Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия и Армения являются фасадными демократиями, для которых характерны социальный и идейный раскол, невозможность ни одной из элитных группировок взять верх над другой, постоянный конфликт президента, парламента и правительства. Перманентная борьба за

влияние, ошибочно определяемая западными экспертами как политическая конкуренция, создает иллюзию демократического развития. Однако наличие демократических практик (выборов, многопартийности, свобода слова и пр.) не способствует ни стабильности политической системы, ни эффективному решению стоящих перед обществом проблем. Зачастую политическая конкуренция является продолжением борьбы олигархов друг с другом за экономические ресурсы.

Ни тот, ни другой тип постсоветских политических систем не обладает устойчивостью. Уязвимость электоральных автократий заключается в их слабой институционализации, зависимости от личности и деятельности лидера, болезнь или смерть которого способны разрушить общественный и межэлитный консенсус и ввергнуть страну в пучину гражданской войны. Такой исход событий вполне вероятен и для стран фасадной демократии, раздираемой внутренними противоречиями.

Весьма любопытно, что декларируемая странами второго типа приверженность ценностям либерализма не является препятствием в попытках лидеров ряда фасадных демократий разрешить имеющиеся в обществе конфликты путем устранения своих противников и устрашения общественных сил их поддерживающих. Политику такого рода пытались реализовать президенты Грузии М.Н. Саакашвили и Украины П.А. Порошенко. Сегодня этим заняты украинский лидер В.А. Зеленский и президент Молдавии М.Г. Санду. Однако насильственное обеспечение единства страны чревато в будущем гораздо большими проблемами, чем те, с которыми могут столкнуться автократии.

С сожалением приходится констатировать, что на сегодняшний день ни одна из траекторий трансформации рассмотренных постсоветских политических систем не является успешной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100029-3 «Государственная политика

формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ».

The study was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of scientific project No. 122101100029-3 “State policy of formation of national identity and patriotism in the context of transformation of the modern world order: comparative analysis”.

² Подробнее о понятиях «электоральный авторитаризм» и «демократия с прилагательными» см.: Голосов Г. В. Сравнительная политология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. С. 109; Рябушкина В. А. Современные квазидемократии // Полития. 2008. № 4. С. 105–121.

³ На практике могут иметь место комбинации нескольких из названных способов.

⁴ Прогнозы политологов о возможности передачи власти по наследству в Таджикистане и Беларуси см.: Хуррамов Х. Укрепление клановости как основа для преемственности власти в Таджикистане. URL: <https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-ukreplenie-klanovosti-kak-osnova-dlya-preemstvennosti-vlasti-v-tadzhikistane-2?pdf=13702>; Политолог перечислил трех возможных преемников Лукашенко на посту президента. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/09/lukash_off

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 30–37.
2. Бабилунга Н. В. Распад СССР и кризис молдавской государственности // Русин. 2010. № 4. С. 112–135.
3. Березняков Д. В., Козлов С. В. Советское наследие как институциональный и символический ресурс постсоветского государственного строительства // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 46–58.
4. Бобохонов Р. С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.): причины, ход, последствия и уроки // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 74–83.
5. Борисов Н. А. Институт президентства в постсоветских государствах: методика анализа, факторы формирования и трансформации моделей // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 88–99.
6. Васильева О. В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4. С. 200–206.
7. Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 1–2. С. 76–92.
8. Гаджиев Х. А. Институт президента в постсоветских государствах: особенности функционирования и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 427–435.
9. Гельман В. Я. Из огня да в полымя (динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 81–108.
10. Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 448 с.
11. Долидзе В. Власть и «революция» в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2. С. 34–49.
12. Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 36–47. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1029
13. Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3. С. 58–66.
14. Капицын В. М. Конфигурации «советской» и «постсоветской» идентификаций // Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Пермь: Печ. салон «Гармония», 2014. С. 15–29.
15. Конституции стран мира. В 7 ч. Ч 1. Россия и постсоветское пространство: хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещен. гос. пед. ун-т, 2014. 224 с.
16. Лапкин В. В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 54–64.
17. Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2022.
18. Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 45–60.
19. Мещеряков К. Е. Молдавия накануне обретения независимости: внутривосточная ситуация и межнациональные отношения в республике в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 2. С. 57–68.

20. Миллер А. И. Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65

21. Мохов В. П. «Восстание элит» в распаде СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 146–149.

22. Мухаммадзода П. А. Лидер нации – посланник мира и архитектор национального единства // Таджикистан и современный мир. 2019. № 4. С. 276–283.

23. Нуриев Р. Полковнику никто не пишет // Монитор. 2003. № 21. URL: <http://www.monitorjournal.com/archiv/heftelik-21-suret.htm>

24. Подобный В. Делегитимация политической власти как причина краха советского режима // Власть. 2012. № 6. С. 130–134.

25. Посталовский А. В., Посталовская О. А. Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ // Русская политология. 2017. № 1. С. 84–91.

26. Рагимова П. Ф. Республика Узбекистан: история и современность: краткий очерк // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2021. № 4. С. 290–315.

27. Решетников О. Неформальные объединения в СССР в годы Перестройки // Власть. 2009. № 11. С. 26–28.

28. Ульянова Ю. С. Победа и поражение Азербайджанского народного фронта // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 10. С. 69–76.

29. Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы // Современная Европа. 2010. № 3. С. 119–129.

30. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 272–287.

Resource for Post-Soviet State Building]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 46-58

4. Bobokhonov R.S. Grazhdanskaia voina v Tadzshikistane (1992–1997 gg.): prichiny, khod, posledstviia i uroki [Civil War in Tajikistan (1992–1997): Causes, Course, Consequences and Lessons]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2011, no. 4. pp. 74-83.

5. Borisov N.A. Institut prezidentstva v postsovetskikh gosudarstvakh: metodika analiza, faktory formirovaniia i transformatsii modelei [Presidency Institute in Post-Soviet Countries: Evaluation Method, Factors of Model Formation and Transformation]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Fund for Basic Research. Humanities and Social Sciences], 2019, no. 1, pp. 88-99.

6. Vasileva O.V. Politicheskie elity Turkmenistana i problemy natsionalnoi identichnosti [Political Elites of Turkmenistan and Problems of National Identity]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4, pp. 200-206.

7. Vendina O.I., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Iavliaetsia li Pribaltika chastiu postsovetskogo prostranstva? [Are the Baltic States Part of the Post-Soviet Space?]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2014, vol. 12, no. 1-2, pp. 76-92.

8. Gadzhiev Kh.A. Institut prezidenta v postsovetskikh gosudarstvakh: osobennosti funktsionirovaniia i tendentsii razvitiia [The Institute of the President in the Post-Soviet States: Features of Functioning and Development Trends]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 427-435.

9. Gelman V.Ja. Iz ognia da v polymia (dinamika postsovetskikh rezhimov v sravnitelnoi perspektive) [From Fire to Fire (Dynamics of Post-Soviet Regimes in a Comparative Perspective)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2007, no. 2, pp. 81-108.

10. Rogov K., ed. *Demontazh kommunizma. Tridcat let spustya* [The Dismantling of Communism. Thirty Years Later], Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2021. 448 p.

11. Dolidze V. Vlast i «revoliutsiia» v postsovetskoi Gruzii [Power and “Revolution” in Post-Soviet Georgia]. *Tsentrlnaia Azia i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2007, no. 2, pp. 34-49.

12. Egorov V.G., Rekk D.A. Klany v aktualnom politicheskom protsesse postsovetskikh stran Tsentralnoi Azii [Clans in the Current Political Process of the Post-Soviet Countries of Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo*

REFERENCES

1. Achkasov V.A. Tranzitologiya – nauchnaia teoriia ili ideologicheskii konstrukt? [Transitology – A Scientific Theory or an Ideological Construct?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2015, no. 1, pp. 30-37.

2. Babilunga N.V. Raspad SSSR i krizis moldavskoi gosudarstvennosti [The Collapse of the USSR and the Crisis of Moldovan Statehood]. *Rusin*, 2010, no. 4, pp. 112-135.

3. Berezhnyakov D.V., Kozlov S.V. Sovetskoe nasledie kak institucionalnyj i simvolicheskij resurs postsovetskogo gosudarstvennogo stroitelstva [The Soviet Legacy as an Institutional and Symbolic

universiteta [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 3, pp. 36-47. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-3-1029

13. Kaziev S.Sh. Perestroika i krizis natsionalnykh otnoshenii v Kazakhstane (1985–1991 gg.) [Perestroika and Crisis of National Relations in Kazakhstan (1985–1991)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia* [Tomsk State University Journal. History], 2015, no. 3, pp. 58-66.

14. Kapitsyn V.M. Konfiguratsii «sovetskoi» i «postsovetskoi» identifikatsiy [Configurations of “Soviet” and “Post-Soviet” Identifications] *Postsovetskaia identichnost v politicheskom izmerenii: realii, problemy, perspektivy* [Post-Soviet Identity in the Political Dimension: Realities, Problems, Prospects]. Perm, Pech. salon «Garmonija», 2014, pp. 15-29.

15. Kuznetsov D.V., ed. *Konstitutsii stran mira. V 7 ch. Ch 1. Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: khrestomatiia* [Constitutions of the Countries of the World. In 7 Pts. Part 1. Russia and the Post-Soviet Space]. Blagoveshchensk, Blagoveshhen. gos. ped. un-t, 2014. 224 p.

16. Lapkin V.V. Problemy natsionalnogo stroitelstva v polietnicheskikh postsovetskikh obshchestvakh: ukrainskiy kazus v sravnitelnoi perspektive [Problems of Nation-Building in Multi-Ethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Incident in a Comparative Perspective]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [“Polis. Political Studies” Journal], 2016, no. 4, pp. 54-64.

17. Madyar B., Madlovich B. *Postkommunisticheskie rezhimy. Konceptualnaya struktura. V 2 t.* [Post-Communist Regimes. Conceptual Structure. In 2 Vols.], Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2022.

18. Medushevskii A.N. Politicheskie rezhimy Srednei Azii: konstitutsionnye reformy v ramkakh avtoritarnoi modernizatsii [Political Regimes of Central Asia: Constitutional Reforms in the Framework of Authoritarian Modernization]. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 4, pp. 45-60.

19. Meshcheriakov K.E. Moldaviia nakanune obreteniia nezavisimosti: vnutripoliticheskaia situatsiia i mezhnatsionalnye otnosheniia v respublike v kontse 1980-kh – nachale 1990-kh gg. [Moldova on the Eve of Independence: Domestic Political Situation and Interethnic Relations in the Republic in the Late 1980s–Early 1990s]. *Originalnye issledovaniia* [Original Research], 2020, vol. 10, no. 2, pp. 57-68.

20. Miller A.I. Natsionalnaia identichnost na Ukraine: istoriia i politika [National Identity in Ukraine: History and Politics]. *Rossiia v globalnoi politike* [Russia in Global Affairs], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 46-65.

21. Mokhov V.P. «Vosstanie elit» v raspade SSSR [“Rise of the Elites” in the Collapse of the USSR]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 11-2, pp. 146-149.

22. Mukhammadzoda P.A. Lider natsii – poslannik mira i arkhitektor natsionalnogo edinstva [Leader of the Nation – Messenger of Peace and Architect of National Unity]. *Tadzhikistan i sovremennyi mir* [Tajikistan and the Modern World], 2019, no. 4, pp. 276-283.

23. Nuriev R. Polkovniku nikto ne pishet [No One Writes to the Colonel]. *Monitor*, 2003, no. 21. URL: <http://www.monitorjournal.com/arxiv/heftelik-21-suret.htm>

24. Podobnyi V. Delegitimatsiia politicheskoi vlasti kak prichina krakha sovetskogo rezhima [Delegitimation of Political Power as a Reason for the Collapse of the Soviet Regime]. *Vlast* [Power], 2012, no. 6, pp. 130-134.

25. Postalovskii A.V., Postalovskaia O.A. Prezidentskie izbiratelnye kampanii v Respublike Belarus: kompleksnyi analiz [Presidential Election Campaigns in the Republic of Belarus: A Comprehensive Analysis]. *Russkaia politologiia* [Russian Political Science], 2017, no. 1, pp. 84-91.

26. Ragimova P.F. Respublika Uzbekistan: istoriia i sovremennost: kratkii ocherk [Republic of Uzbekistan: History and Modernity: A Brief Essay]. *Trudy Instituta postsovetskikh i mezhregionalnykh issledovani* [Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies], 2021, no. 4, pp. 290-315.

27. Reshetnikov O. Neformalnye obieedineniia v SSSR v gody Perestroiki [Informal Associations in the USSR During Perestroika]. *Vlast* [Power], 2009, no. 11, pp. 26-28.

28. Ulianova Iu.S. Pobeda i porazhenie Azerbaidzhanskogo narodnogo fronta [The Victory and Defeat of Azerbaijan Popular Front]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovani* [Scientific Problems of Humanitarian Research], 2008, no. 10, pp. 69-76.

29. Furman D., Shermatova S. Kirgizskie tsikly [Kyrgyz Cycles]. *Sovremennaia Evropa* [Modern Europe], 2010, no. 3, pp. 119-129.

30. Khabrieva T.Ia., Andrichenko L.V. Konstitutsionnye reformy na postsovetskom prostranstve: tendentsii razvitiia [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2017, no. 37, pp. 272-287.

Information About the Authors

Andrei V. Abramov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Researcher, Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Roman A. Alekseev, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Law, State University of Education, Very Voloshinoy St, 24, 141014 Mytyshi, Russian Federation, alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Информация об авторах

Андрей Вячеславович Абрамов, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Роман Андреевич Алексеев, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения, ул. Веры Волошиной, 24, 141014 г. Мытищи, Российская Федерация, alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>